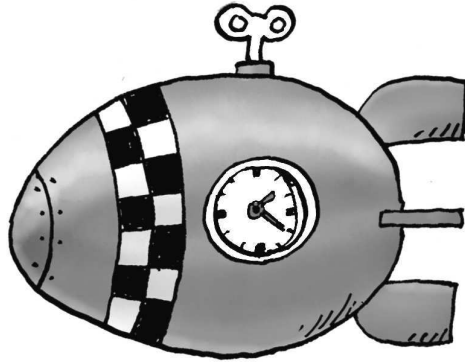

ДЕТИ И ЭТИ

КОЛЮЧКИ НА ШЕЕ, ДОЧКА НА КРЫШЕ, БОМБА В КАРМАНЕ

Одна дочка взобралась на маленькую скамеечку, которая стояла в коридоре, под вешалкой, надела своему папе на шею новый, тёплый, шерстяной шарф.

Папа схватился за горло, закричал:

— Он колется!

— Ничего страшного, — сказала дочка. — От этого ещё никто не умирал. Зато не простудишься.

— Мне и так тепло.

— Хочешь опять с температурой лежать, как на прошлой неделе? Не капризничай. Колется — потерпишь.

— Он шею прокалывает. Не пойду в шарфе, — сказал папа и стянул шарф.

Дочка опять встала на скамеечку, снова надела шарф:

— Не пойдёшь в шарфе — значит, в отпуск с мамой в Ялту не поедешь. Мама поедет одна. Сама будет в море купаться. Без тебя. На пляже с ней будут чужие папы знакомиться, приглашать её на прогулки. А ты останешься дома. Весь отпуск просидишь, глядя в окно на дождливую погоду. Иди, на работу опоздаешь.

Папа вышел во двор, снял шарф, запихал в карман брюк. Шарф был длинный, в кармане не поместился, поэтому половина шарфа повисла, и кончик пополз за папой по асфальту. Дочка увидела в окошко, как папа уходит со двора, а шарф за ним тащится, позвонила папе на мобильный телефон.

— Ты зачем шарф снял?

— Я не снимал.

— Прекрати. Я в окошко всё вижу. Немедленно надень.

Папа надел шарф, вышел со двора, прошёл немножко по улице, завернул за угол и опять снял. Только снял — дочка опять позвонила.

— Надень шарф.

Г. ОСТЕР

— Как ты узнала, что я снял? Откуда ты смотришь?

— На крыше сижу.

— Неправда. Ты шутишь.

— Я не шучу. Если сию минуту не наденешь шарф, ни в какую Ялту не поедешь. Прямо сейчас порву твой билет.

— Уже надеваю. Всё. Надел.

— Я тебе не верю. Сфотографируй себя и пошли мне эмэмэску.

Папа вытянул руку, выставил перед собой телефон с камерой, сделал снимок, послал дочке своё фото в шарфе. Только после этого догадался: раз дочка требует фотографию в доказательство, значит, ни на какой крыше не сидит и его не видит.

Папа снял шарф, стал засовывать его в карман пальто. Шарф влез, только карман сильно оттопырился. С оттопыренным карманом папа побежал к метро. На работу ему надо было ехать три станции. До метро оставалось уже несколько шагов, когда дочка снова позвонила.

— Ты опять снял шарф.

— Не снимал.

— Снял. Он у тебя в кармане пальто. Я чувствую.

— Неправда, — обиженным голосом соврал папа. — В кармане пальто у меня ничего нет. Вот, сама пощупай. Совершенно пустой карман.

А у входа в метро стояли милиционеры. Смотрели, чтобы никакие террористы не приносили в метро бомбы. Они увидели папин оттопыренный карман и услышали, как папа обманывает, что карман пустой. Это показалось милиционерам подозрительным.

— Что у вас в кармане? — остановили папу милиционеры. — Наверно, бомба?

— Нет у меня бомбы. У меня шарф в кармане пальто, — сказал папа.

— Ага! — услышала дочка по телефону. — Значит, шарф у тебя всё-таки в кармане?

— Итак, вы утверждаете, — шагнули к папе милиционеры, — что в кармане у вас шарф?

— Нет у меня в кармане шарфа, — соврал папа дочке.

— Да, в кармане у меня шарф, — сказал он правду милиционерам.

— Ты обманываешь, — рассердилась дочка, — шарф у тебя в кармане.

— Вы говорите неправду, — нахмурились милиционеры, — в кармане у вас бомба.

Папа совсем запутался и уже не знал, что кому отвечать.

— Шарфа нет, — сказал папа, — только бомба в кармане.

Милиционеры начали папу арестовывать. Папа не соглашался.

— С кем ты споришь? — спросила дочка по телефону.

— С милиционерами. Они меня в метро не пускают. Арестовывают. Думают: в кармане у меня бомба.

— А там у тебя шарф, — догадалась дочка.

— Да, — признался папа.

— Дай, пожалуйста, телефон милиционерам, — велела папе дочка.

— Насовсем? — огорчился папа.

— Дай на минуточку. Я всё улажу.

Дочка объяснила милиционерам, что в кармане у папы не бомба, а шарф и его надо не арестовывать, а пустить в метро.

— Не можем, — заявили милиционеры. — Мы уже доложили своему начальнику, что обнаружена бомба в виде шарфа.

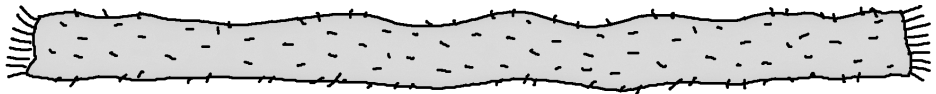

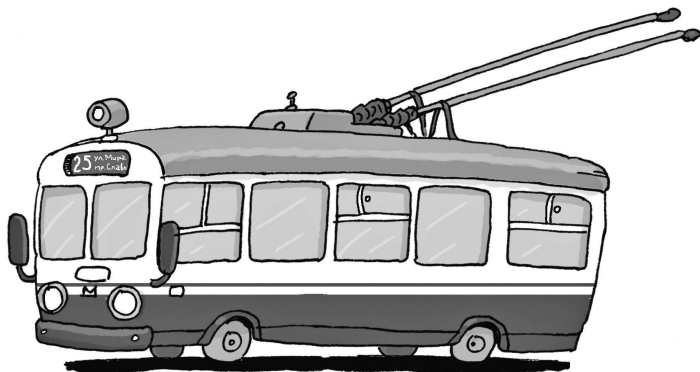
Г. ОСТЕР

— А я, — сказала дочка, — дружу с детьми вашего начальника, — позвоню, пожалуюсь, что вы моего папу в метро не пускаете.

Милиционеры подумали, подумали и пустили папу в метро. А своему начальнику доложили, что шарф обезврежен.

БОЙ БЫКОВ В ТРОЛЛЕЙБУСЕ

Одна девочка посмотрела по телевизору балет, и ей так понравилось, что она задумала непременно воспитать из своей мамы балерину. Мама пришла с работы, дочка ей говорит:

— Идём поступать в балетную школу.

— Не хочу в балетную школу.

— Почему? Станешь балериной, будешь танцевать в театре на сцене, после спектакля тебе подарят белые розы.

— А меня возьмут? Я не слишком упитанная? — засомневалась мама.

— Ты упитанная. Но это потому, что работа у тебя сидячая. И кушаешь много мучного. Вот перестанешь питаться хлебом с булоч-

Г. ОСТЕР

ками, начнёшь чаще вставать со своего рабочего места, бегать туда-сюда, делать физкультурные упражнения — быстро похудеешь. Станешь грациозная.

— Как же мне вставать? — удивилась мама. — Я только сидя работать могу. Если я брошу руль, начну бегать по троллейбусу туда-сюда, получится авария. Водителям троллейбусов ни в коем случае вставать нельзя.

— А на остановках? — говорит девочка. — По маршруту их двадцать штук. Вот тебе и двадцать упражнений. Давай, переодевайся во что-нибудь нарядное, пойдём в балетную школу. Там, как раз сегодня, новых учениц принимают.

Пришли в балетную школу. Преподаватели осмотрели маму с разных сторон, потом отвели девочку в сторонку, шепчут:

— Не хотим вашу маму огорчать, и вы тоже не обижайтесь, но из вашей мамы балерина не получится. В ней слишком много лишних килограммов.

Мама услышала, расстроилась. Побледнела, покраснела, закрыла лицо руками и выбежала

из балетной школы. Чуть двери с петель не снесла.

— А если, — спрашивает девочка, — она без лишних килограммов придёт, тогда получится балерина?

— Нет. Чтобы стать балериной, нужны лёгкость, изящество, гибкость и балетный талант. Пусть лучше идёт на курсы водителей троллейбусов.

— Троллейбус, — говорит девочка, — мама и так водить умеет. Вы мне лучше скажите, ваша вечерняя балетная школа платная или бесплатная?

— Платная.

— Так в чём же дело? Я буду платить деньги, а вы учите мою маму танцевать балет. А получится или не получится, это мы ещё посмотрим.

Преподаватели видят: девочка упорная, не отстанет. Но сразу сдаваться не стали, сопротивлялись ещё минут примерно пять.

Через пять минут девочка вышла из школы, отыскала маму, которая рыдала на ближайшей троллейбусной остановке, взяла её за руку:

Г. ОСТЕР

— Пошли! Они передумали. Приняли тебя в балетную школу. Разглядели в тебе талант.

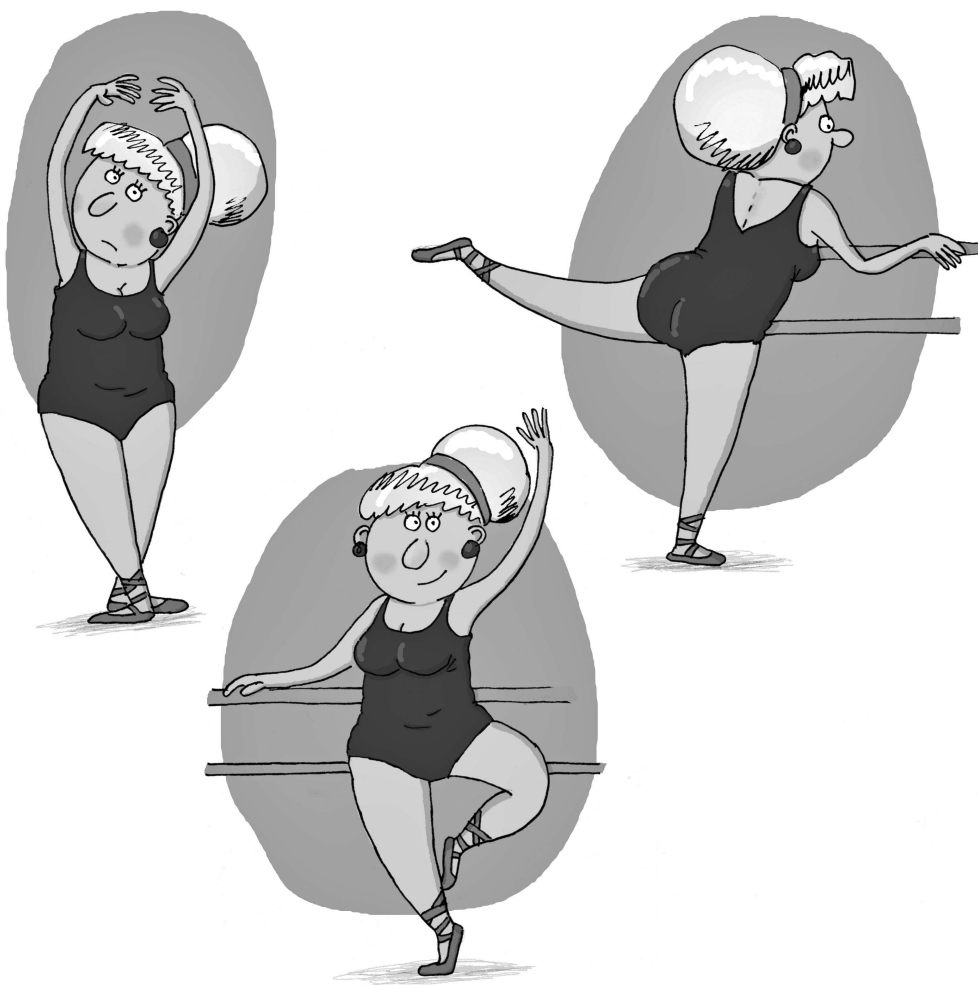
— Что же они во мне разглядели?

— А вот придём домой, глянешь на себя в зеркало, сама увидишь: ты просто создана для балета и больше ни для чего.

Стала мама учиться быть балериной. Первым делом девочка купила маме пуанты — мягкие балетные туфельки, у которых есть незаметные каблочки. Только не под пятками, как у нормальной обуви, а, наоборот, в носках туфелек, под пальцами ног. Чтобы упираться, когда прыгаешь.

— Главное в жизни — упорство, — говорила девочка маме. — Поэтому крепче упирайся ногами в пол, когда танцуешь. А быть балериной не трудно. Надо только выучить пять позиций ног и три позиции рук. Всё остальное приложится. Будешь правильно выворачивать ноги и подольше зависать в воздухе — успех тебе обеспечен.

Мама старалась. Пирожные и колбасу есть перестала. Обедала листиком салата и

ломтиком яблока. Как птичка. Днём, на работе, тренируется: на каждой остановке вскакивает из-за руля, бегают по троллейбусу туда-сюда. Если пассажиров немного, даже через сиденья перепрыгивает. А после рабо-

Г. ОСТЕР

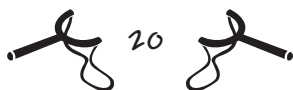
ты девочка ведёт её в балетную школу: изучать разные пируэты и другие танцевальные приёмы. Конечно, мама иногда уставала, зато преподаватели балетной школы не уставали удивляться, говорили:

— Как это мы не сразу заметили? Она же выдающийся балетный талант.

Очень скоро мама избавилась от лишних килограммов, стала изящная, как скрипка, гибкая, как бамбуковая удочка. И танцевала так хорошо, что её взяли на работу в самый большой театр.

Первый балет, в котором мама танцевала главную героиню, был конечно же про любовь. И про тореадора. Тореадоры — это такие отважные фехтовальщики, которые выходят со шпагой сражаться один на один с могучим быком.

На премьере балета мама была очаровательна. Отталкивалась от сцены большого театра, взлетала и надолго повисала в воздухе. Все ей бурно аплодировали. А папа девочки, который сидел рядом с дочкой в первом ряду и не сводил восхищённых глаз со сво-

ей танцующей жены, хлопал так, что у него даже заболели ладошки.

После спектакля мама, папа и девочка ехали домой на троллейбусе, потому что белые розы, которые подарили маме благодарные зрители, в обычной машине ни за что бы не поместились. Девочка всю дорогу держала

Г. ОСТЕР

маму за руку и время от времени задумчиво поглядывала на папу. Потом сказала:

— Папа, дома обязательно посмотри на себя в зеркало.

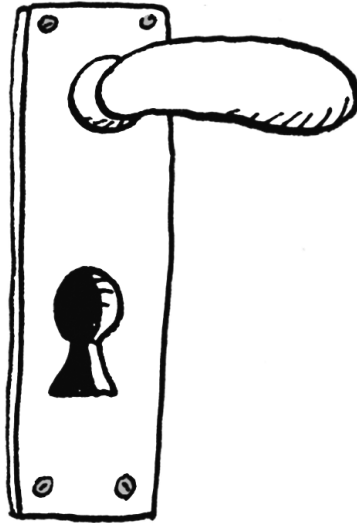
— А что? Я нос чем-то испачкал?

— Нет. Нос чистый. А вот приедем домой, глянешь на себя в зеркало, сам увидишь: ты просто создан для того, чтобы стать тореадором и больше никем. Хочешь выходить на арену со шпагой и участвовать в бое быков?

— Не хочу.

Но на следующей неделе девочка всё-таки повезла папу в Испанию. Устраивать его в школу тореадоров.

ЗАПЕРТ НА КЛЮЧ

Одна дочка много раз напоминала своему папе, что на улице нельзя разговаривать с незнакомыми детьми. Особенно с незнакомыми маленькими девочками. Но папа всё время про это забывал. Однажды вечером папа возвращался с работы, к нему подошла незнакомая девочка, спросила, хочет ли папа пива.

— Хочу пива, — обрадовался папа.

Девочка взяла папу за руку, повела к себе домой. Дома она, конечно же, не дала папе

никакого пива. Наоборот. Выпросила у папы на мороженое все деньги из карманов, а потом заставила его накачивать велосипед и чинить поломанные игрушки.

К счастью, дочка, которая всё это время ждала папу с работы, догадалась позвонить ему на мобильный телефон.

— Ты где? — спросила дочка.

— Не знаю, — ответил папа дрожащим голосом. — В какой-то комнате.

— Как ты туда попал?

— Заговорил с незнакомой девочкой, и она привела меня к себе домой.

— Спокойно, — сказала дочка, — не волнуйся. Эта девочка сейчас на тебя смотрит?

— Нет. Ушла за мороженым, а меня заперла одного. На ключ.

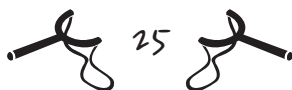
— Подойди к окну, — сказала дочка папе, — выгляни. Только осторожно. Может, ты на первом этаже, сможешь вылезти и убежать.

Папа выглянул, сказал:

— Не получится, очень высоко.

— Ладно. Ничего страшного. Сейчас другое придумаем.

Дочка, конечно, волновалась за папу, но чтобы успокоить его, говорила в телефон ровным, уверенным голосом.

Г. ОСТЕР

— Теперь, — сказала она, — выйди из комнаты в коридор, постарайся найти входную дверь, посмотри, какой на ней замок. Знаешь, есть такие замки с колёсиками, открываются изнутри без ключа.

— Знаю, — сказал папа, — у нас дома такой замок.

Дочка слушала в телефон, как папа ищет входную дверь, и вдруг услышала какое-то пиканье. И звяканье. Сердце у дочки ёкнуло, она подумала: девочка с мороженым сама снаружи открывает замок ключом.

Но это оказалась не девочка. Пикал папин телефон, в котором почти разрядилась батарейка. Сердце дочки ещё сильнее ёкнуло. Если батарейка совсем разрядится, папа будет недоступен и уже никто ничем не сможет ему помочь.

— У нас мало времени, — сказала дочка папе. — Нашёл дверь?

— Нашёл.

— Видишь колёсико?

— Нет. Тут только ручка.

«Это плохо», — подумала дочка. Но папе сказала:

— Хорошо. Попробуй на эту ручку нажать. И потяни. Или толкни.

— Тянуть или толкать? — не понял папа.

— Сначала тяни. Не откроется — толкай.

Папа нажал, потянул, толкнул и шагнул в дверь.

— Где ты? — спросила дочка.

— Тут.

— Что ты видишь?

— Мыло. И душ.

— Уходи оттуда скорей! — закричала дочка. — Это не та дверь. Ищи другую.

Папа шёл по квартире, открывал все двери подряд, говорил дочке, что он видит. Сначала открыл дверь в спальню и дверцу в платяной шкаф, потом дверь в кухню и дверцу холодильника. Потом папа открыл дверцы кухонного шкафа. Там лежали на полках огромные тарелки и висели на гвоздиках острые как бритвы ножи. Большие и маленькие.

А девочка с мороженым уже шла обратно домой. Зашла в подъезд, нажала кнопку —

вызвала лифт. К счастью, кабина лифта оказалась на самом верхнем этаже. Вздрогнула, загудела, неохотно тронулась с места и медленно поехала вниз. К девочке.

А папа всё никак не мог найти входную дверь. И вдруг нашёл свой шерстяной, колючий шарф. Папа его сразу узнал. Шарф вместе с пальто висел на вешалке в коридоре. Девочка велела повесить их туда, когда привела папу к себе домой.

— Дверь, — сказала дочка по телефону, — должна быть где-то рядом с пальто. Осмотришь внимательно, и ты её обнаружишь.

Папа осмотрелся и обнаружил дверь.

— Видишь колёсико? — спросила дочка.

— Вижу.

— Поверни!

Папа повернул. Замок щёлкнул. Дверь распахнулась, папа схватил шарф, выскочил из квартиры девочки. Пальто забыл.

В ту же минуту на лестничную площадку приехал лифт. Из кабины вышла девочка с мороженым. Но папа с ней разминулся, помчался по ступенькам вниз, благополучно при-

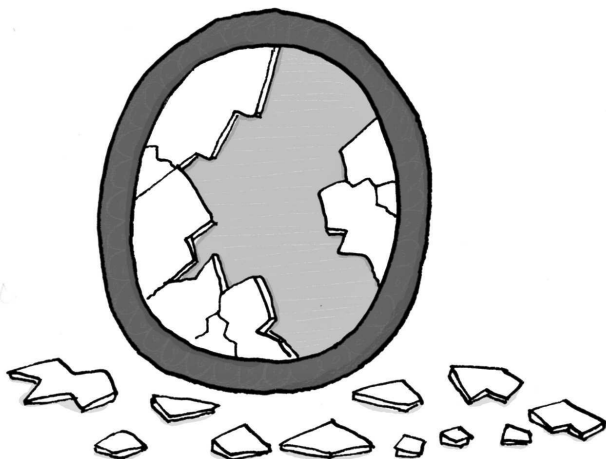

Г. ОСТЕР

бежал домой. К дочке. Без пальто, зато в шарфе. Целый и невредимый. И больше никогда не забывал, как опасно на улице разговаривать с незнакомыми детьми. Особенно с незнакомыми маленькими девочками.

МАЛЕНЬКИЙ БУКЕТ НА КУРИНЫХ НОЖКАХ

У одних мамы и девочки нечаянно разбилось зеркало.

— Ой! — расстроилась мама. — Какая дурная примета.

— Пустяки, — успокоила её девочка. — В приметы не верь. Это предрассудки. Плохо, что у нас дома другого зеркала нет, а нам с тобой, как назло, причесаться надо. Обеим. И поскорей. Потому что мы уже опаздываем.

— А куда мы идём? — удивилась мама.

— Забыла? — огорчилась девочка. — Я же ещё позавчера рассказывала. Один мальчик

Г. ОСТЕР

пригласил меня поужинать. Я сказала, что приду с мамой, потому что мне не с кем её, то есть тебя, оставить.

— Я уже взрослая, — немного надула губы мама. — Давным-давно.

— Конечно, взрослая. И я, конечно, могла бы оставить тебя одну, но мне хочется, чтобы ты познакомилась с этим мальчиком, который меня пригласил. Он спрашивает, буду ли я с ним дружить, а я ещё ничего не решила. Может, отказаться? Мне очень важно, чтобы ты тоже на него посмотрела. И мы решим вместе.

— Ладно, — согласилась мама. — Я посмотрю. А куда мы идём ужинать? К мальчику домой?

— Нет. В «Макдоналдс».

— Что это такое?

— Так называется ресторан.

— Ура! — захлопала мама в ладоши. — Люблю ходить в ресторан. Там официанты, люстры, белые скатерти, оркестр. А в некоторых можно даже потанцевать.

— Ну, — смутилась девочка, — это немножко другой ресторан. Давай причёсываться.

И тут обе вспомнили, что у них разбилось зеркало, а другого зеркала нет.

Надо было спешить, а они не знали, что делать. Не могла же девочка пойти на ужин растрёпанная, тем более привести с собой непричёсанную, взлохмаченную маму.

Пробовали причесаться, глядя вместо зеркала в чайник или в утюг. Не вышло. К счастью, девочка придумала способ без чайника. И даже без утюга.

— Мама, — сказала она, — ты у меня такая красивая. Бывает, вижу тебя, а кажется, смотрю сама на себя. В зеркало. Давай сядем напротив друг друга, возьмём расчёски, причешемся. Ты будешь смотреть на меня, я — на тебя. Мы с тобой так похожи.

Так они и сделали. Девочка, причёсываясь, смотрела на маму, а мама — на девочку. И у них всё получилось. Совсем неплохо. В «Макдоналдс» успели вовремя. Пришли обе

Г. ОСТЕР

очень красивые, с одинаковыми замечательными причёсками.

Мальчик встречал их у входа с небольшим букетом цветов. Мама сначала немножко расстроилась, шепнула девочке, что букет маленький, но когда сели за столик, увидела: если бы букет был большой, на столике осталось бы не так уж много места для еды. И мама подумала, что её девочке, пожалуй, достался довольно сообразительный мальчик.

Потом выбирали еду. Потом мальчик сходил, принёс на подносе много такого, чего мама никогда в жизни не пробовала. И хотя мама надеялась поужинать в ресторане устрицами с шампанским, гамбургер с кетчупом тоже оказался довольно неплох. А больше всего маме понравился сам мальчик, который хотел подружиться с её девочкой. Когда у мальчика посыпались на пол жареные куриные ножки, а сверху упал букет и мальчик нагнулся за всем этим под стол, мама быстро сказала девочке на ушко:

— Он хороший. Не надо отказываться с ним дружить.

Г. ОСТЕР

И девочка успела ответить. Маме на ушко:

— Рада, что он тебе тоже нравится.

Вечер прошёл чудесно. После ужина мальчик довёз их до дома на шикарном, бесшумно катившемся по вечернему городу троллейбусе. Это был какой-то очень романтичный троллейбус. Весь пол оказался усыпан белыми розовыми лепестками, и пахло в троллейбусе так, будто в нём только что везли сотню букетов свежих, только-только распустившихся роз. Мальчик купил маме и девочке троллейбусные билеты и подал руку, когда они выходили на остановке. Обеим.

Перед домом мальчик, прощаясь, сначала вежливо поцеловал в щёчку девочку, а потом поцеловал маму. Тоже в щёчку.

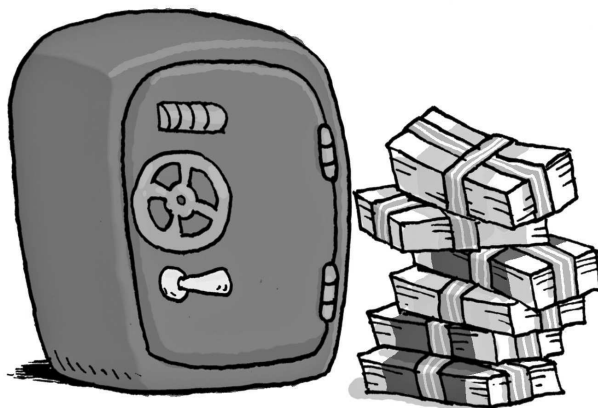
Мама и девочка пришли домой. Но спать легли не сразу. Сначала собирали осколки зеркала, потом долго сидели, разговаривали. О том о сём. Мама хотела сидеть ещё, но девочка напомнила, что маме завтра рано вставать на работу, повела маму укладываться спать.

— А почему, — спросила мама, уже в постели, — он меня тоже в щёчку поцеловал? Он нас из-за одинаковых причёсок, случайно, не перепутает?

— Надеюсь, не перепутает, — улыбнулась девочка. И поцеловала маму в другую щёчку.

СЕМЬ РЫЖИХ ВОСПИТАННИЦ

В один детский сад ходили способные, энергичные, предприимчивые дети. Однажды самая сообразительная рыжая девочка с кудрявыми волосами сказала:

— Не надоело вам целыми днями возить по полу машинки, пеленать кукол и маршировать на прогулках парами, держась за руки? Давайте займёмся бизнесом. Переделаем наш детский садик в банк. Быстро разбогате-ем.

Дети согласились. Над дверью детского сада приделали табличку с крупными буквами: БАНК. Стали банкирами. И действительно очень быстро разбогатели.

Зарплату воспитательнице увеличили в сто раз. В детский сад приезжали на шикарных машинах с водителями. Своим папам и мамам ни в чём не отказывали. Что попросят, то и покупали. И давали карманные деньги.

Больше всех давала рыжая девочка с кудрявыми волосами. Она давала своим родителям столько карманных денег, что эти деньги у них даже в карманах не помещались. Вываливались на пол.

Сначала родители богатой девочки просто ходили, всюду сорили деньгами, но постепенно характеры у них начали портиться. Папа с каждым днём становился всё привередливей и привередливей, а мама — капризней и капризней. Оба перестали здороваться с людьми. Никому не говорили: спасибо, пожалуйста, извините, будьте добры. На своей работе больше не появлялись, сидели перед телевизором, ничего не делали. А если выходили из дома, тут же, немедленно начинали всем грубить. В ресторане грубили официантке, в поликлинике — врачу, в магазине — продавцу. В театре — билетёрше. В гостини-

це — горничной. В поезде — проводнице. В самолёте грубили стюардессе, а если удавалось добраться до кабины пилотов, умудрялись ещё и лётчикам нагрубить.

И нигде не соблюдали никаких правил. Нарушали всё подряд. Даже дорогу переходили на красный свет. А если их спрашивали: «Зачем вы так делаете, на вас же сейчас кто-нибудь наедет?», отвечали:

— Пусть только попробует! У него сразу начнутся крупные неприятности. Наша дочка знаете кто? Банкир. Сейчас как позвоним — она приедет на трёх машинах со своей охраной, быстро разберётся.

Рыжая девочка с кудрявыми волосами редко виделась с родителями, была очень занята в детском саду, то есть в банке, но иногда про них спрашивала. У охраны. И девочке рассказали, что характеры её папы и мамы сильно испортились.

— Надо с ними поговорить, — решила девочка. — Привезите их ко мне в банк.

И вот, однажды утром, папу и маму девочки привели в её кабинет.

— Что с вами? — спросила девочка. — Почему вы такими стали? Вы же всегда были хорошие, добрые, вежливые.

Мама отвернулась, заплакала. А папа сказал:

— Знаешь, почему мы всё время сердимся, на всех злимся и всем грубим? Потому что сами несчастные. Нам тебя не хватает.

— Меня? Не хватает? — удивилась девочка. — Мой тренер по плаванию в бассейне говорит: я даже немного поправилась. Думаете надо ещё потолстеть?

— Не надо толстеть, — вздохнул папа.

— И худеть тоже не надо, — всхлипнула мама. — Просто мы завтракать хотим.

— Пожалуйста, — говорит девочка. — Вас сейчас в самый лучший ресторан отвезут.

— При чём тут ресторан, — махнули руками папа и мама. — Мы с тобой завтракать хотим. Вместе. Каждый день. И обедать. И ужинать. И укладывать тебя спать. Хотим заботиться о твоём воспитании. Водить в зоопарк. К парикмахеру, если нужно.

— Парикмахер, — говорит девочка, — ко мне приезжает сам. Если нужно.

— А нам хочется тебя водить. Мы же твои папа и мама. Когда родители не могут заботиться о воспитании детей, им делается грустно. Они становятся несчастными.

— Давайте, — предложила девочка, — я вам другую, похожую на меня воспитанницу найму, тоже рыжую. А лучше пять. Нет. Семь

Г. ОСТЕР

рыжих воспитанниц. Будут к вам каждый день приходить, и вы сможете заботиться о них сколько душе угодно. Водите куда хотите. Я им такую зарплату назначу — бегом побегут. Хоть в зоопарк, хоть к парикмахеру, хоть к зубному врачу.

— Нам, — говорят родители, — никакие воспитанницы тебе не заменят. Ни рыжие, ни каштановые. Нам ты нужна.

— Папа, мама, у меня же бизнес. Банк. Если я по полдня с вами сидеть буду, я же гораздо меньше денег заработаю. Прибыль уменьшится. Вдвое.

— Тогда, — говорят папа с мамой, — получается совершенно безвыходное положение. Прости, дочка, но мы и дальше будем всем грубить. Не нарочно. Просто у нас всё время будет несчастное настроение. Ведь счастье за деньги не купишь.

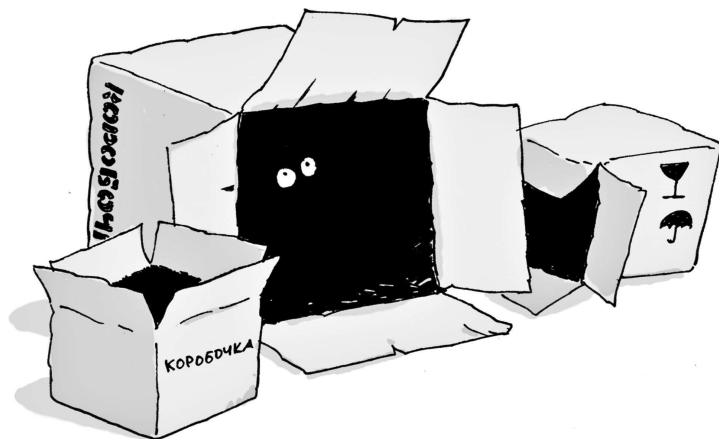
Положение действительно сложилось совсем безвыходное, но эта история кончилась в конце концов хорошо. Рыжая девочка с кудрявыми волосами была всё-таки очень сообразительная, нашла выход. Пожертвовала

половиной прибыли. Стала проводить время с папой и мамой, сделала их счастливыми. Девочка рассудила так:

— Чтоб мои папа и мама стали счастливыми, я откажусь от части прибыли, то есть от денег, которые были бы мои, если бы я от них не отказалась. И получится, что я эти деньги как будто заплатила. За счастье папы и мамы. Вот и выйдет, что я куплю им счастье за деньги. А говорят: счастье не купишь. Неправильно говорят.

ТЕМНОТА В КОРОБОЧКАХ

Папа одного мальчика очень боялся темноты. Никогда не отворял дверь в тёмную комнату. Просил, чтобы сначала туда кто-то пошёл, включил свет, а потом уже заходил сам.

Открывать шкафы, ящики, даже маленькие коробочки папа тоже не решался. Говорил, что во всех закрытых шкафах, ящиках и маленьких коробочках слишком темно. Только холодильник открывать не боялся. Потому что там всегда загорается маленькая лампочка.

Мама, дедушка и бабушка мальчика темноты совсем не боялись, часто смеялись над папой, дразнили трусом, даже однажды попробовали втроём запихнуть его в тёмную

ДЕТИ И ЭТИ

кладовку. Хотели отучить от страха. Но папа вырвался и убежал. Мальчик, когда узнал про это, рассердился, попросил, чтобы они больше так никогда не делали.

Сам мальчик много раз пробовал объяснить папе, что в темноте нет ничего страшного и в неё спокойно можно входить. Но папа не соглашался, отказывался идти в темноту.

Однажды вечером мальчик присел рядом с папой:

Г. ОСТЕР

— Давай поговорим про темноту. Ты, наверно, думаешь, что в темноте есть что-то опасное?

— Я не думаю, — сказал папа. — Просто боюсь.

— А ты подумай. Ну что может быть страшного в темноте?

— Ого, — говорит папа, — сколько всего! Даже не сосчитаешь. И то, и другое, и третье. Всё может быть. Такое, чего и не ждёшь.

— А если бы ты сам побывал в темноте и убедился, что там ничего опасного нет, ты бы меньше боялся?

— В темноту один не пойду, — твёрдо сказал папа.

— Пойдём вместе. Вдвоём. В спальню. Со мной тебе не будет страшно. Ты ведь уже большой, совсем взрослый папа. И я знаю: ты у меня очень смелый. Пойдём.

Мальчик долго уговаривал папу, и папа наконец согласился:

— Ладно. Только я всё время буду держать тебя за руку.

Папа с мальчиком взялись за руки, постояли немножко перед дверью в спальню, а потом быстро вошли в темноту и закрыли за собой дверь.

В темноте было очень темно. И что-то шуршало. Шелестело.

— Ты тут? — шёпотом спросил папа.

Г. ОСТЕР

— Конечно, тут. Ты же держишь меня за руку.

— А что это так страшно шуршит?

— Занавеска. На окне. Ветер её шевелит, потому что окно открыто. Видишь, ничего страшного нет.

— Нет, не вижу, — прошептал папа. — Тут очень темно.

— А ты пощупай рукой. Сразу поймёшь: всё такое же, как при свете. Совсем не опасное.

Папа протянул пальцы в темноту, пощупал. И быстро отдёрнул руку.

— Ой! Тут что-то живое. Стоит.

— Не может здесь, в спальне, — спокойно сказал мальчик, — живое стоять. Включим свет — окажется никакое не живое.

— Лучше бы оказалось живое, — дрожащими губами прошептал папа. — Когда мёртвое в спальне стоит — ещё страшней.

— Да это, наверно, просто какой-нибудь стул. Не бойся. Пощупай ещё раз.

Папа пощупал.

— У стула, — зашептал папа, — ножки другие. Спинка твёрдая, гладкая. А тут всё мягкое, тёплое. И дышит. Это не стул.

— Тогда это, наверно, мама, — говорит мальчик. — Прокралась тихонько в спальню и спряталась в темноте. Чтобы тебя в шутку напугать.

— Маму, — возразил папа, — я на ощупь хорошо знаю. Это не она.

Г. ОСТЕР

— Может, бабушка? — предположил мальчик.

— Бабушку я, конечно, хуже знаю, чем маму. Но думаю, это тоже не она. И на дедушку не похоже. У дедушки голова лысая, без усов. А тут и усы есть, и на голове волосы. Это кто-то совсем чужой у нас в спальне стоит. Давай лучше свет включим, а то страшно в темноте чужие усы щупать.

Включили свет. Оказалось, действительно, стоит посередине спальни живой, усатый, совершенно чужой человек. И смотрит вытаращенными глазами.

Мальчик даже попятился. От неожиданности. А папа — нет. Папа ведь только темноты пугался, при свете отважный был. Когда светло — никого не боялся. Ни усатых, ни тех, которые без усов.

— Вы кто такой? — спросил усача мальчик. — Как сюда попали и что тут делаете?

Но оказалось, папе это совсем не интересно. Не разбираясь, папа схватил чужого усача за шиворот, поднял в воздух. Рубашка усача задралась, и на волосатом животе об-

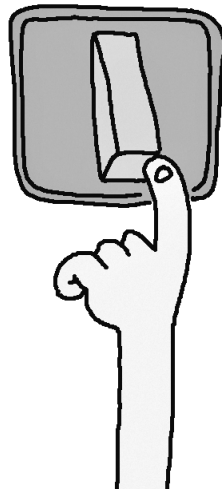

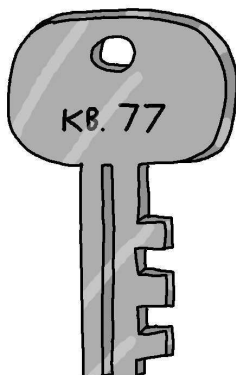
Г. ОСТЕР

нажились синие буквы татуировки: «Не забуду дочь родную». Но папа не стал читать про дочь усача. Просто поднёс его к окну, выставил наружу и разжал пальцы. Усач полетел вниз. Правда, летел не долго, окно спальни было на первом этаже.

На следующий же день папа пригласил мастеров, и они вставили во все окна квартиры решётки. Для безопасности. Но бояться темноты папа, к сожалению, так и не перестал. Наоборот. Ещё сильнее убедился, что в каждой темноте может оказаться что-нибудь неожиданное.

МАНЬЯК И ЗЕНИЦА ОКА

Папе одного мальчика дали ключ, чтобы он мог возвращаться домой, когда никого нет. Раньше папе ключ не давали, боялись потерять. А теперь доверили.

— Ты понимаешь, что такое ключ? — спросил мальчик.

— Железка, — сказал папа. — Двери открывать.

Мальчик покачал головой:

— Ключ не просто железка. Догадываешься, что будет, если ты его потеряешь?

— Ты рассердишься?

— Да. Но это не главное. Представь себе: к нашей двери подходит плохой чужой чело-

век, у которого нет ключа от нашего дома. Что он сделает?

— Сломает дверь?

— Дверь прочная. Начнёт ломать — на шум прибегут соседи с милицией. Нет. Он позвонит или постучится. Я спрошу «Кто там?». Он услышит: ребёнок дома — убежит.

А если ты окажешься дома, один, ты ведь знаешь: дверь чужим открывать нельзя.

— Я не открою.

— Правильно. А теперь представь, что у этого плохого чужого есть ключ от нашего дома.

— Он, — ужаснулся папа, — откроет дверь. Придёт сюда.

— Да. Ключ, который тебе дали, — это возможность в любое время войти к нам без спроса. Поэтому терять ключ ни в коем случае нельзя. Чужой найдёт. Войдёт, когда нас нет дома, унесёт наши лучшие вещи. Мои игрушки, твои пиджаки, мамины платья, наш компьютер. Понимаешь?

— Понимаю, — кивнул папа. — А если он войдёт, когда мы дома, мы ему ничего не дадим.

— Когда мы дома, — нахмурился мальчик, — это ещё хуже. Он может прийти ночью, когда мы спим. И если окажется маньяк, разрежет нас на маленькие кусочки.

— Мы не проснёмся? — удивился папа. — Не почувствуем? Будет не больно?

Г. ОСТЕР

— Проснёмся. Но будет уже поздно.

— Тогда, — быстро решил папа, — пусть лучше твои игрушки возьмёт. И мои пиджаки с компьютером. А мамины платья он, наверно, не заберёт. Разве маньяки носят платья?

— Носят, — сказал мальчик. — Довольно часто. Теперь понимаешь, почему этот ключ надо беречь как зеницу ока?

— Синицу чего?

— Не синицу, а зеницу. Ока. Так глаз называется. Короче говоря, вот тебе ключ, смотри, не потеряй. И никому не давай.

Папа привязал ключ к верёвочке, надел на шею, пришёл на работу.

Председатель совета директоров фирмы, в которой папа работал, выглянул из своего кабинета, увидел верёвочку у папы на шее, спрашивает:

-Ух ТЫ!

— Это у вас что?

— Ключ.

— Нашли где-нибудь?

— Нет. От моего дома ключ. Чтобы я мог сам дверь открывать.

— Здóрово. Дайте поносить.

— Нельзя. Мне сказали: никому не давать.

— Ну, дайте, пожалуйста. Я отдам. Только до обеденного перерыва поношу. Пусть наши сотрудники думают, что мне тоже ключ от дома доверяют.

— А вы не маньяк? Мамины платья не носите?

— Конечно нет. Вы же видите, я в нормальном костюме.

Папа дал. Председатель совета директоров полдня ходил гордый, и все ему завидовали. В середине обеденного перерыва папа потребовал ключ назад. Тоже немножко погордился: сидел и небрежно крутил над головой верёвочку с ключом. Потом надел на шею, спустился в кафе, которое было напротив работы. Решил купить горячий бутерброд или треугольник пиццы — пожевать. В кафе стоя-

Г. ОСТЕР

ла небольшая очередь. Перед папой оказался ребёнок школьного возраста. В красной кепочке. Он внимательно посмотрел на верёвочку с ключом у папы на шее. Когда папа возвращался на работу с бутербродом, школьник его догнал.

— Как хорошо, что я вас встретил! Я с вашим ребёнком в одном классе учусь.

— С моим мальчиком? — обрадовался папа.

— Да. С мальчиком. Тут такое дело: ваш мальчик ключ от дома потерял. Войти не может. А ему в туалет надо. По-маленькому. Уже терпеть трудно. Просил меня побежать к вам на работу, попросить ключ. Вы ведь свой не потеряли?

— Нет. Вот он. На верёвочке.

— Давайте быстрее сюда. Я вашему мальчику отнесу.

Папа поскорей снял с шеи ключ, отдал ребёнку школьного возраста.

— Кстати, — обернулся школьник, убегая, — напомните ваш адрес. Какая там улица, номер дома, квартира?

Тут папе как будто что-то подсказало в голове: «Скажи неправильный». И папа, вместо адреса: улица Синицына, дом три, квартира восемь, — сказал: улица Зеницына, дом восемь, квартира три.

Вечером, когда папа рассказывал дома историю с ключом, туалетом и красной кепочкой, мальчик сначала сурово хмурился, а потом удивился, даже похвалил папу, сказал:

— А ты, оказывается, не так прост. Жулика обманул. Хитёр. Молодчага.

ПЕСОЧНИЦА С ПИСТОЛЕТОМ

Папа одной девочки возвращался с работы мимо старой песочницы, в которой сидела малышня со своими совочками. Малыши заметили папу, окликнули:

— Эй, взрослый, иди сюда.

Папа хотел притвориться, будто не слышит, но самый крупный, круглоголовый малыш сказал:

— Ха-ха. Струсил. Как девчонка.

Папа вернулся. Подошёл.

— Хочешь совочком в лоб? — поинтересовался круглоголовый.

— Нет, — ответил папа, — не хочу.

Малышня засмеялась.

— С работы идёшь? — спросили папу.

— Да.

— Зарплату несёшь?

— Сегодня, — честно сказал папа, — не давали.

— А ну выверни карманы, докажи.

— Не выверну.

— Конечно, не вывернешь, потому что врёшь.

— Не вру, — обиделся папа и вывернул карманы, доказал свою честность.

Из одного выпала конфета. Утром, когда папа уходил на работу, её заботливо положила туда девочка.

— Ещё конфеты есть? — спросил круглоголовый.

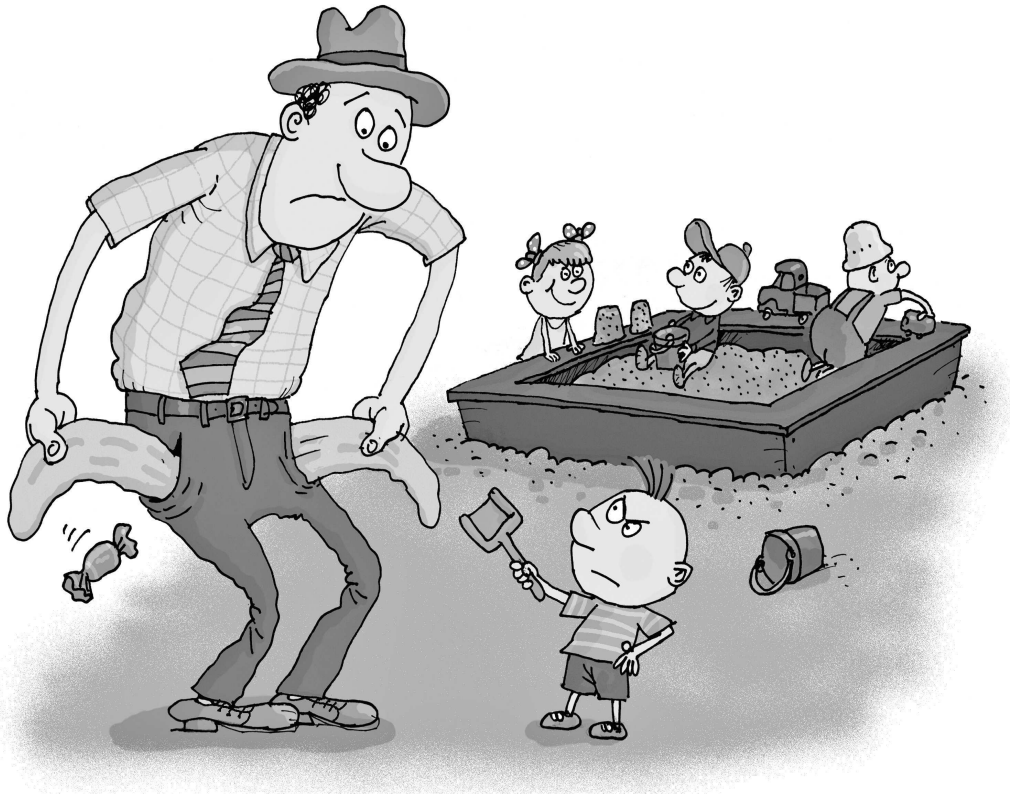
— Нет, — честно сказал папа. — Вот, карманы вывернуты.

— А дома?

— Дома есть. В буфете. В вазочке лежат.

Круглоголовый малыш дожевал папину конфету, подмигнул незаметно остальным:

— Помните, когда у меня дома конфеты были, я взял без спроса, вынес во двор, друзей угостил.

— Да, да, — подтвердили остальные, — ты смелый.

— А тебе, — глянул на папу круглоголовый, — слабó взять без спроса, нам вынести? Забоишься?

Папа промолчал.

— Слабó! Сразу видно, что ему слабó, — презрительно протянул другой малыш, не такой круглоголовый.

— Ничего не слабó, — тихо сказал папа. — Захочу и возьму. Вынесу.

— Ну, неси.

Папа пошёл домой. Открыл буфет, стал перекладывать конфеты из вазочки в карман.

— Папа, что ты делаешь? — удивилась девочка, входя в комнату.

— Конфет хочу. А что, нельзя?

— Пожалуйста. Ешь на здоровье. В карман зачем?

— На потом.

Папа набрал в карманы конфет, спустился к песочнице.

— Ты глянь, принёс! — удивились малыши и похвалили папу за смелость.

— Значит, ты не трус? — спросил круглоголовый.

— Нет. Да. Не трус. Я смелый, — похвастался папа.

— А если мы тебе пистолет дадим, — усмехнулся другой, не такой круглоголовый, — не струсишь вон тех бабушек на скамейке облить? Из водяного пистолета?

Папа посмотрел на скамейку. Ему не хотелось обливаться бабушек, но ещё больше папе не хотелось считаться трусом.

— Да ты не робей, — ткнул папу совочком круглоголовый, — бабушки сами просили. Жарко, говорят, облейте нас, дети, водой.

— Из пистолета, — добавил другой, не такой круглоголовый. И хихикнул.

— Давайте. Оболю, — решительно сказал папа.

Папе дали пистолет. Он пошёл к скамейке. Наставил пистолет на бабушек. Прицелился. Выстрелил, пустил струю веером. По бабушкам. Бабушки всполошились. Заголосили. Одна, та, что была моложе, ухитрилась закрыться газетой. Остальные мокли так, без газет.

Вдруг рядом с папой затормозили сразу несколько велосипедов. Папу схватили за руки. Отобрали водяной пистолет.

Г. ОСТЕР

— Это что такое? — закричали третьеклассники, внуки бабушек. — Хулиганство! Позор!

— Я его знаю, — обрадовался один бабушкин внук. — Он нашей одноклассницы папа. Давайте его к ней отведём, расскажем, чем он тут занимается.

Папа хотел объяснить, что бабушки сами просили, но обернулся, увидел пустую песочницу и промолчал. Понял, что его обманули. Бросили одного.

На следующий день был выходной. Папе не надо было идти на работу.

В этот день девочка обещала папе сюрприз, сказала, что они вдвоём пойдут в одно восхитительное место. Но они никуда не пошли. Папа сидел дома наказанный. Смотрел в окно на веселящуюся в песочнице малышню и думал, что теперь, возвращаясь с работы, будет ходить домой другой дорогой.

В ФАРТУКЕ С БАНТИКАМИ НА ВОЙНЕ КРАСНЫХ РОЗ С БЕЛЫМИ

Одни дети, мальчик и девочка, неустанно заботились о своём папе, часто старались ему хоть чем-нибудь помочь. Папа кричал, вырывался, пробовал куда-нибудь убежать, но дети всё равно догоняли и помогали.

— Я хочу сам. Дайте, я сам сделаю, — умолял папа.

— У тебя не получится, — говорил мальчик.

— Вот научишься, — добавляла девочка, — тогда пожалуйста.

— А сейчас давай вместе, — предлагали дети и всё делали сами. Без папы. Вместо него.

Хочет папа маму обрадовать, её любимые цветы в горшочках на окошке полить, возь-